

Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:

Брошь с черным опалом
Портрет девочки в шляпе
Королевская лилия
Крест Шарлотты
Антикварная история
Пруд с золотыми рыбками
Слеза Евы
Забытый аромат
Семейная реликвия
Красное солнце валькирии
Французское наследство
Нить наяды
Царский подарок
Кипарисовый крест
Завеса зла
Равсодия Богемской
Роковой саквояж
Последний дар Элизы

Цикл «Сыщик Анна Чебнева»

Кукла Коломбины
Гребень Матильды
Танец Иды
Тетрадь князя Путятина

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

ПОСЛЕДНИЙ
ДАР
ЭЛИЗЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *О. Фатиховой*

Дорош, Елена.

Д69 Последний дар Элизы : [роман] / Елена Дорош. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-250168-5

В доме недавно умершей дальней родственницы Тимофей находит ампулу от лекарства, которое она не принимала, и кусок сургуча с печатью. Привычка профессионального спортсмена доводить дело до конца приводит его к известному ученому, и тот высказывает невероятное предположение: отпечаток на сургуче мог быть сделан перстнем, подаренным Пушкину Елизаветой Воронцовой, и случилось это не так давно. Но знаменитый перстень с сердоликом пропал из музея более ста лет назад. Каким образом он мог оказаться у деревенской бабушки? Тимофей не догадывается, что желание выяснить причину смерти родственницы сделало его врагом очень опасных людей и за правду он может заплатить собственной жизнью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250168-5

© Дорош, Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

БЕГСТВО

Тим бежал и поражался тому, что скорость не растет, а падает. Он «давил на газ» так, что глаза вылезали из орбит, но ноги не желали подчиняться, переставаясь все медленнее, все неохотнее.

Как так может быть? Его беспрекословно слушается даже Петя, самый строптивый из всех его мотоциклов, а собственные ноги посылают на три буквы!

Нет, так дело не пойдет!

Он заставит их работать, как заставляет байки!

Петя появился у него почти сразу, после первой победы в мотокроссе. Это было нереальной удачей, просто повезло. Спонсор соревнований оказался невероятно щедрым. Потом появился спортивный эндуро, байка стало уже два, но любимым оставался самый первый, собранный с верой в то, что этот Петя изменит его жизнь.

Изменил, нечего сказать.

Надсаженные мышцы окончательно отказались служить, когда впереди уже слышался слабый гул. Шоссе близко.

Тим привалился к теплому стволу березы, вжался лицом в мягкую белую кору и сунул руку в карман, нащупывая перстень.

Заира сказала, что кольцо помогает только тому, кому предназначено.

Наверное, оно помогало неведомому Симхе, сыну почетного рабби Иосифа.

Ему не поможет. Это тебе не кольцо всевластия: надел и исчез. Впрочем, кажется, от назгулов и оно не спасало.

И вообще. О чем он думает? Доберманы Шустецкого уже рядом, еще минуту тут потопчется, и с ним случится то же, что с Пушкиным: получит пулю. И хорошо, если в живот. Теперь такие раны лечат на раз-два.

Ха! Лечат! Это, если доберешься до врачей. Его бросят подыхать в лесу или добьют. Скорее второе, чем первое.

Тим заставил себя оторваться от березы и двинулся дальше.

Странно, но после мыслей насчет пули в живот ноги словно очнулись от спячки и теперь почти бежали.

Ага, испугались!

Гул шоссе все нарастал, среди деревьев наконец показалась прямая линия дороги.

Тим буквально вывалился из леса на проезжую часть и махнул рукой.

Мимо, мимо, мимо.

Да остановитесь же, черти!
Не видите меня, что ли?
— Вот он! — раздалось сзади.
Ну, все.
Не успел.

Несмотря на фамилию Матрос, после университета Тимофей служил в танковом взводе, и хохм по поводу матроса в танке, который круче, чем обезьяна с гранатой, наслушался на сто лет вперед. Впрочем, службой он остался доволен и, вернувшись, работать по специальности не пошел. Радиотехнический факультет считался статусным, но найти после него работу было непросто. Да и не лежала душа к этому делу. Тим устроился обычным водителем «КамАЗа» и не прогадал. В той конторе, где он работал, двое парней были фанатами мотокросса. Через год Тима взяли в команду гонщиков.

Это дело захватило его настолько, что еще через год он выиграл первые соревнования, получил приличную сумму и потратил ее на кастомизированный — сделанный по индивидуальному заказу — мотоцикл.

Тим назвал его Петя. Тим и Петя. Два неразлучных друга. Два товарища.

Казалось, что жизнь вошла в колею, которая ему нравилась и которую он считал своей.

Со Светкой они встречались с первого курса института. Она дождалась его из армии, они сразу

сыграли свадьбу и зажили обычной для молодоженов жизнью: работа, компании друзей, походы, вечеринки по выходным и мечты о собственном доме.

На приличное жилье он заработал через четыре года, и это окончательно скрепило их союз. Все у них было, как у всех, и Тима это устраивало.

О детях речи не шло. Светка хотела еще немного пожить, как она говорила, «налегке», а он вообще был занят только своим байком и пропадал на соревнованиях.

Светка не возражала. Ей и самой было чем заняться. Она не сомневалась, что хороший экономист всегда в цене, поэтому постоянно записывалась на разные курсы. Повышала квалификацию, так сказать. Тим был доволен и ею, и жизнью в целом. Впрочем, особо он над этим не задумывался.

Момент, когда у Светки поехала крыша, он пропустил. Заметил, когда все зашло слишком далеко — года через три. Оказалось, его жена заделалась активисткой никому не известной партии, развила бурную деятельность и даже собралась куда-то баллотироваться. В один прекрасный момент непонятно для каких партийных нужд ей потребовалось покреститься, что она и сделала с помпой, в присутствии соратников. Самое непонятное заключалось в том, что в качестве крестного отца Светка позвала его приятеля Ромку Савицкого, который был далек от религии, как бегемот от балета. Впрочем, резон прозрачен: Ромка был одним из самых успешных

в регионе бизнесменов и лицом медийным. Его присутствие в роли крестного произвело впечатление на Светкиных однопартийцев и местный бомонд, к которому Савицкий принадлежал не только из-за денег, но и по рождению, то есть происходил из статусной семьи. Ромка немного ошалел, но отказать не решился и с того дня стал называть Светку Фотиньей — по имени, данному при крещении. Именно он первым посоветовал Тиму приглядеться к жене внимательнее.

— Она, конечно, красивая баба и чудачества может себе позволить, но Фотинья — это уже перебор!

Тим тогда отмахнулся. А зря. Светкина активность крепла день ото дня, но к религии никакого отношения по-прежнему не имела. В доме никогда не было икон и после крещения больше не стало. Напротив, все развернулось в противоположную сторону. Светка накупила нарядов в стиле партийных дам высокого полета и стала что ни день надевать новые костюмы, платья и туфли. Куда она в них ходила, было непонятно до того вечера, когда он случайно включил канал местных новостей и увидел свою жену в строгом костюме, но с бриллиантами в ушах и красной помаде, вещающей о социальной справедливости и борьбе за права простых граждан региона. По Светкиным словам выходило, что ее партия сможет решить их проблемы, надо только за нее проголосовать.

Тим слушал заученный штампованный текст, глядел на совершенно чужую женщину на экране и охреневал.

Как такое могло случиться? Где вообще он был, что позволил Светке превратиться в ЭТО?

Впрочем, этот шок долго не продлился.

Ему на смену пришел новый.

На следующий день Светка заявила, что фамилия Матрос не совпадает с ее реноме — так и сказала, поэтому им обоим следует поменять ее на девичью фамилию его матери — Стенина. До замужества сама Светка носила фамилию Лавочкина, которая тоже, по-видимому, с новым реноме не монтировалась.

— Стенина звучит по-русски, но благородно, не то что Матрос!

Тим очень уважал свою маму, но отцовскую фамилию, с которой родились, жили и сражались в трех войнах его предки, ни на что менять не соби-
рался, о чем и сообщил дражайшей половине.

Разразился скандал. Серьезный. Первый за все время.

Узнав о себе много нового, Тим не выдержал и уехал ночевать к Юрке, товарищу еще со школьных лет.

На следующий день вернулся, надеясь в спокойной обстановке поговорить с женой по душам, но той дома не оказалось. Не вернулась она и на другой день, к тому же ее телефон был вне зоны доступа. То ли наказывала его Светка, то ли дрессировала, он так и не понял.

А еще через два дня ее молчания Тиму позвонили из села с прикольным названием Новяк и сообщили, что умерла его двоюродная бабка Татьяна и ему как единственному родственнику надо бы приехать и похоронить, а то не по-людски как-то получается.

Через час после звонка Тим выехал в Новяк, сообщив об этом Юрке.

Бабку Татьяну похоронили быстро и без затей. Можно было возвращаться, но вместо этого Тим решил дожидаться девятого дня, и не просто так, а поделаться что-нибудь полезное.

Например, починить крышу, убрать в доме и выкопать урожай в огороде.

А что? Середина сентября, между прочим, не гнить же добру на корню!

Это было странное желание. Любовью к домашнему труду Тим не страдал и уж тем более не славился трепетной тягой к огородничеству. То, что он наследовал эти хоромы, на порыв никак не влияло, в этом он был уверен.

Тогда что?

Может, просто не хотелось возвращаться домой?

Наверное, Светка давно спохватилась, уже и звонила, и писала, но выяснять он не стал: телефон отключил сразу, как сел в электричку, и включать пока не собирался.

Пока.

Впрочем, сколько это «пока» будет длиться, было неизвестно ему самому.

Пока — опять это слово! — не тянуло.

Прикинув объем работ, Тим начал именно с огорода. В конце концов, надо же что-то есть, а тут все под рукой овощи и зелень. Оказалось, ему вполне по силам примитивные рецепты: вареная картошка в мундире и без, но со сливочным маслом, жареные кабачки с чесноком, а также более изысканные закуски из натертой моркови с майонезом и порезанной ломтиками свеклы с уксусом.

Поймав кураж, Тим замахнулся на борщ и удивился, что тот получился съедобным, хотя и постным. Без мяса. А без мяса он жить не мог.

По субботам в Новяке работал рынок, который жители по устоявшейся традиции называли «колхозным». Утром Тим отправился туда, прихватив для покупок настоящую совковую авоську, обнаруженную на вешалке в коридоре.

Мясо продавали в ларьке около овощных рядов. Сунув в авоську выбранный кусок свинины, Тим повернулся, чтобы уйти, и в это самое мгновение увидел прямо перед собой врачиху-офтальмолога, к которой ходил на прием год назад.

Он даже глаза протер, потому что это был настоящий сюр: питерская врачиха торговала овощами на рынке в Новяке.

АВАРИЯ

Эти несколько часов своей жизни он давно разложил на молекулы.

Последний круг, последний поворот. Как всегда, он вошел в него чисто. Оставалось дожать, и вот он, финиш.

И вдруг — удар, еще один и еще.

Байк бился и бился о землю, как о бетонную стену. Потом вспышка, и все утонуло в дыму. Огонь рвался к лицу, но тут его рванули в четыре руки, кинули вниз и стали колотить почем зря, сбивая пламя. У Юрки было черное лицо и злые глаза, у Сани глаза испуганно моргали, руки дрожали, а физиономия казалась мятой, как будто слезавшейся. Он тогда не понял почему. Подбежал еще кто-то, его подняли и потащили. Он видел незнакомые руки, прижимающие его к носилкам, и знал, что давят на больное.

Хотя больно ему не было.

Потом появился коридор и слишком яркие лампы в потолке. Круглые, слепящие мертвым светом и мешающие понять, куда его везут. Впрочем, все было очевидно.

Врач, нагнувшись над ним, оттянул веки и приказал готовить операционную. Голос звучал буднично и как-то индифферентно. Это успокаивало.

Потом он увидел ловкие женские руки, разрезающие его одежду. Когда оголили живот, стало щекотно, и он улыбнулся.

Раньше он думал, что операции проходят в полной тишине, исключая команды, которые отдает врач ассистентам. Ничего подобного. Гул стоял, как в столовке в час пик. Он даже хотел попросить, чтобы говорили тише и не мешали думать. Кстати, ему сверху было отлично видно все, что происходило. Собственное странно белое тело, копошащиеся над ним врачи и чудные аппараты вокруг. Он слышал звон инструментов и чувствовал их прикосновение, когда кожу начинали резать, его очень раздражало пиканье монитора.

Самое странное заключалось в том, что ничего этого он видеть не мог. Сознание отключилось после первого удара и вернулось только через три дня.

Так ему сказали.

Он не поверил.

Он помнил каждое мгновение, каждую микросекунду и был уверен, что все это время контролировал свою жизнь.

Как всегда.

Во время обхода, радостно потирая руки, доктор сказал:

— Ну вот вы и пришли в себя!

Тим посмотрел на его довольную физиономию и ничего не ответил, хотя был уверен, что никуда не уходил. Стоило закрыть глаза, он снова и снова видел случившееся с ним в подробностях. От первой до последней секунды.

В сюжете кое-что было странным, например, то, что все происходящее он видел сверху, но смущало другое.

Повторяемость и регулярность. От запечатленной в мозгу киноленты невозможно было избавиться. Кино все крутилось и крутилось в голове. Сюжет стал настолько навязчивым, что в конце концов Тим от него устал. На работе это не сказывалось, поэтому сдаваться эскулапам он не торопился. Все надеялся, что возьмет себя в руки и справится самостоятельно.

И вот тут началось самое противное: остановить показ не удавалось ни в какую. Что бы он ни делал, какие бы фокусы ни придумывал, лента продолжала крутиться, слышалось жужжание проектора и шелест киноплёнки. Его личный кинотеатр, черт бы его побрал!

Пришлось идти с повинной. В клубе всполошились, но не слишком сильно.

— Посттравматический синдром лечится, — хлопнув его по плечу, сказал тренер. — Дай себе время.

И начал посылать его к разным врачам. Те старались, но... кинолента продолжала крутиться.